

Поэтическая оцѣнка Пушкина *).

(1815—1837 гг.).

IV.

Судьба, какъ бы заботясь о богатствѣ и разнообразіи жизненныхъ впечатлѣній, столь нужныхъ для поэта, бросала Пушкина во всевозможныя условія и обстановки, сводила его съ самыми разнообразными общественными элементами. Самъ онъ жадно ищетъ новыхъ фактовъ и наблюденій, съ глубокимъ вниманіемъ всматривается во всё встрѣчающіяся на его пути явленія. Въ литературѣ онъ сразу занимаетъ самостоятельное мѣсто, стоитъ выше партійныхъ счетовъ и въ своемъ широкомъ міровоззрѣніи объединяетъ лучшіе результаты всей предшествующей идейной работы и вѣками слагавшейся поэтической техники.

Сохранилось очень характерное и знаменательное его признаніе: «Я въ литературѣ скептикъ (чтобы не сказать хуже)... Всѣ ея *секты* для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суевѣрно поработать литературную совѣсть?»...

Вездѣ онъ ищетъ и находитъ крупницы правды, во всемъ его ясный и свѣтлый взоръ подмѣчаетъ сильныя и слабыя стороны. Принадлежность къ «Арзамасу» не помѣшала ему сблизиться съ Катенинымъ, познакомиться довольно близко съ кн. Шаховскимъ, высоко цѣнить Грибоѣдова, которые, какъ извѣстно, были литературными врагами карамзинистовъ и большими поклонниками французскаго классицизма. Въ высокомъ синтезѣ поэзіи Пушкина мирно слились враждовавшіе доселѣ элементы; самая сила генія подавляла протесты и броженіе не желавшей сразу сдаться — и все же отживавшей старины.

Долго несмолкавшіе споры о литературномъ языкѣ смолкаютъ передъ Пушкинскимъ языкомъ и Пушкинскимъ стихомъ; теперь мирно ужива-

*) *Русская Мысль*, кн. V, 99 г. Нашъ сборникъ *Русскіе поэты о Пушкинѣ* (М., 1899 г.) выросъ изъ этой статьи, задуманной и начатой раньше. Въ текстъ статьи введены новыя данныя, разысканныя нами уже послѣ изданія сборника, такъ что она является существеннымъ къ нему дополненіемъ.

ются рядомъ боровшіеся раньше національные, народные и общечеловѣческіе элементы, отголоски русской старины и европейской культуры; Пушкинъ учится съ одинаковымъ рвеніемъ у классиковъ, сантименталистовъ и романтиковъ, никому не «порабощая своей литературной совѣсти», всегда оставаясь «внутренне свободнымъ»,—и своимъ творчествомъ на практикѣ разрѣшаетъ ихъ теоретическія разногласія и недоумѣнія...

Онъ пополняетъ наиболѣе крупныя пробѣлы въ дѣятельности карамзинистовъ—«слабость народно-поэтической стихіи и отсутствіе драматическаго творчества»—уроками ихъ литературныхъ противниковъ. Вспомнимъ, какъ познакомился онъ съ Катенинымъ *): «Пушкинъ просто пришелъ въ 1818 г. къ Катенину и, подавая ему свою трость, сказалъ: «Я пришелъ къ вамъ, какъ Діогенъ къ Антисѣну: побей, но выучи!» — «Ученаго учить — портить»,—отвѣчалъ авторъ «Ольги».

Однако, отъ Катенина, прекраснаго знатока теоріи драмы, отличавшагося тонкимъ литературнымъ вкусомъ, Пушкинъ, какъ онъ и ожидалъ, многому научился. Во всякомъ случаѣ, Катенинъ поддержалъ въ немъ скептицизмъ насчетъ нашего доморощеннаго романтизма, сочувственно встрѣтилъ переходъ къ самобытности и реализму, раздвинулъ литературный горизонтъ своего друга. Все болѣе и болѣе разраставшееся увлеченіе Шекспиромъ не мѣшало Пушкину и позднѣе отдавать должное французской драмѣ, въ чемъ тоже нельзя не видѣть вліянія Катенина.

«Очевидно, точка зрѣнія Пушкина была такъ своеобразна, такъ широка и возвышенна, что для него исчезали, какъ несущественныя подробности, всѣ (частныя) особенности древней и новой драмы (которымъ тогда придавали слишкомъ большое значеніе), всѣ различія Шекспира и Корнеля... Онъ объединилъ въ художественномъ синтезѣ разнообразныя теченія современной ему общественной и поэтической мысли и этимъ синтезомъ очистилъ путь для дальнѣйшаго движенія нашей литературы. Пушкинъ точно созданъ былъ для такой именно объединяющей роли. Всякая односторонность, всякая крайность и нетерпимость внушали отвращеніе его гармонически настроенной душѣ». Самаго лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ,—писалъ Пушкинъ Дельвигу,—но разнообразіе спасительно для души!» «Ты отучилъ меня отъ односторонности,—писалъ поэтъ Катенину,—а односторонность есть пагуба мысли». Это отвращеніе отъ односторонности, это стремленіе къ разнообразію и помогли Пушкину стать тѣмъ, кѣмъ онъ сталъ—вождемъ новаго литературнаго движенія, хорегомъ всей новѣйшей русской литературы» **).

Поэтому-то такъ легко и свободно чувствовали себя съ этимъ пѣвцомъ и страстнымъ поклонникомъ безусловной внутренней свободы, съ этимъ яркимъ врагомъ всякаго рабства—передъ насиліемъ, произволомъ, авторитетомъ и традиціей,—люди самыхъ разнообразныхъ взглядовъ и настроен-

*) *Ждановъ*: „О значеніи Пушкина“, стр. 10.

**) *Ibid.*, стр. 13—14.

ней. Они не только преклонялись передъ мощью генія, но иногда очень тонко улавливали и его своеобразныя особенности; на-ряду съ общими и довольно неопредѣленными характеристиками мы часто встрѣчаемъ характеристики болѣе детальныя и обоснованныя. Первые чаще встрѣчаются у представителей старшихъ литературныхъ поколѣній, вторыя—у младшихъ.

Одинъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ Шишковской «Бесѣды», знаменитый гр. Хвостовъ, высоко ставилъ прелесть Пушкинскаго стиха, напоминая ему соловьиное пѣніе,—и патриотизмъ поэта. Узнавъ, что А. С. живетъ въ Петербургѣ на Фурштатской, онъ провѣщилъ на этотъ разъ совсѣмъ—таки человѣческими стихами *):

Любитель музъ, съ зарею майской,
Слѣши къ источникамъ ключей:
Ступай подслушать на Фурштатской,
Поеть гдѣ Пушкинъ-соловей!

Когда «Бородинская годовщина» и «Клеветникамъ Россіи» вызвали сильныя и въ общемъ довольно справедливыя нареканія лучшей части русскаго общества, гр. Хвостовъ счелъ своимъ долгомъ заступиться за порицаемаго поэта **). Правда, онъ начинаетъ по-хвостовски:

Приближася похода къ знаку,
Я сталъ союзникъ Зодіаку;
Холеры не любя пилуль,
Я вѣлъ при старости июль ***),—

такъ что Пушкинъ собирался было «достойно отвѣтить союзнику Водолея, Рака и Козерога». Но въ его дубовыхъ и малограмотныхъ виршахъ слышатся и другія ноты:

Спасибо Пушкину-поэту;
Завистникамъ гостинецъ вновь
Заморскому докажетъ свѣту
Его къ отечеству любовь.
Его твореніе прекрасно,
Замысловато, сильно, ясно,
Легко, пріятно и умно,
Но попадетъ ли въ цѣль оно?...
.
Тебѣ дала поэта жаръ
Мать вдохновенія—природа:
Употреби свой, Пушкинъ, даръ
На славу русскаго народа;
Какъ началъ громко—продолжай
О древнихъ подвигахъ великихъ,
И вопли птицъ ночныхъ и дикихъ
Гы, пѣснопѣвецъ, презирай!...

*) Соч., VII, стр. 171. Спб., 1834 г.

**) Ibid., стр. 99—102.

***) „Соч. Пушкина“ (литер. фонда), VII, стр. 293.

Таковъ геній поэта—Орфея: онъ заставляетъ чувствовать и камни! Даже гр. Хвостовъ почувствовалъ въ стихотвореніяхъ великаго поэта характерное для него соединеніе чарующей прелести формы съ глубиною содержанія, прозрачностью мысли и простотой...

Одинъ изъ второстепенныхъ карамзинистовъ, Иванчинъ-Писаревъ *), подмѣтилъ въ Пушкинѣ свойство «прямого генія»,—то, что «онъ чить великое въ великомъ не страшится», такъ какъ посвятилъ своего «Бориса Годунова»—«драгоценной для россиянь памяти Н. М. Карамзина»:

Несносно солнце для совы,—
Орель къ нему стремится!

Для Гнѣдича дороги въ Пушкинѣ его изумительная способность перевоплощаться и измѣняться до неузнаваемости, самобытность и глубокое проникновеніе въ тайнства «русскаго духа и міра»**):

Пушкинъ, Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній!
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей:
Пой, какъ поешь ты, *родной соловей!*
Байрона геній, иль Гёте, Шекспира—
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ:
Ты же, *постыгнувший тайнство русскаго духа и міра,*
Пой намъ *по-своему, русскій Байръ!*
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Вѣдь на Руси ты поэтъ *несравненный!*

Благодушный Ѳ. Н. Глинка ***)) привѣтствуетъ молодого поэта въ 1819 г. за его плѣнительные, «чудесные стихи». Изъ небесныхъ жителей полюбили Пушкина еще младенцемъ эроты, граціи и музыки; они лелѣяли его въ колыбели и пророчили ему великую поэтическую будущность:

И выросъ ты, рѣзвился въ волю,
И взросъ съ тобою даръ боговъ,
И вотъ, блажа безпечну долю,
Поешь ты радость и любовь,
Поешь утѣхи, наслажденья,
И топотъ коней, громъ сраженья,
И чары вѣдьмъ и колдуновъ,
И русскихъ витазей забавы...

Все это написано подъ обаяніемъ «Руслана и Людмилы».

Уже на мѣстѣ ссылки узналъ Пушкинъ объ этомъ посланіи, въ печати оно было обращено уже къ опальному поэту, и съ особенною силой должны были прозвучать для него заключительныя строчки стихотворенія Глинки:

Судьбы и времени съдого
Не бойся, молодой пѣвецъ!

*) *Дамскій Журналъ* 1831 г., VII, стр. 104.

***) Соч., I, стр. 361. Спб., 1884 г. (1831 г.?).

***)) *Сынъ Отечества* 1820 г., ч. 64, стр. 231—233.

Слѣды исчезнуть поколѣній,
Но живъ талантъ, бессмертенъ геній!

Насколько былъ тронутъ Пушкинъ этимъ посланіемъ, можно видѣть изъ его горячо прочувствованнаго отвѣта «Аристиду»:

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Преврѣнный, робкій эгоизмъ;
Безъ слезъ оставилъ я съ досадою
Вѣнки пировъ и блескъ Аевинъ,
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный гражданинъ!...

Его братъ, С. Н. Глинка, очень извѣстный въ началѣ 30-хъ годовъ подъ характернымъ псевдонимомъ «Мечтателя», своеобразно мирилъ узкій націонализмъ съ искреннимъ уваженіемъ къ западной культурѣ. Почти одновременно онъ могъ доказывать, что вся премудрость великихъ законодателей, отъ Солона до Монтескьё, заключается въ нашей Кормчей, а философія Локка, — во мнѣніяхъ боярина Матвѣева, — и искренно увлекаться геніемъ Байрона. Для него *) Пушкинъ — «русскій Байронъ». Ему «отжиднымъ перомъ нельзя вѣнка сплетать, но сердцу весело вѣсть общу повторять»:

Орломъ за Байрономъ ты вьешься въ облакахъ,
Любевностью сердца плѣняешь;
Перомъ, умомъ, душой ты будешь жить въ вѣкахъ
И русский нашъ Парнассъ собою украшаешь.

По его мнѣнію **), Пушкинъ — «дивить рожденъ». Онъ — Орфей, оживляющій природу и «торжествующій грознымъ перуномъ Байрона надъ морознымъ сердцемъ».

Редакторъ *Дамскаго Журнала*, кн. Шаликовъ — «Вздохаловъ», «полаженскаго усердный почитатель, пріятный и въ стихахъ, и въ прозѣ нашъ писатель», — такъ высоко ставилъ рано развившійся талантъ молодого поэта, что въ 1822 г. рѣшился даже напечатать хвалебную надпись въ портрету *сызмально* Пушкина ***):

Талантъ и чувства въ немъ созрѣли прежде лѣтъ.
Овидій нашъ, онъ сталъ ко славѣ мувъ поэтъ!

Когда Пушкинъ сказалъ ему, что собирается заѣхать въ Грузію, Шаликовъ сплѣшитъ ****) свое отечество

привѣтствовать съ поэтомъ,
Явившимъ въ юности себя
Олимпа нашего атлетомъ...

*) *Дамскій Журналъ* 1829 г., XIV, стр. 8.

***) *Ibid.*, 1831 г., XVII, стр. 53.

****) *Новости Литературы* 1822 г., XVI, стр. 48.

*****) *Дамскій Журналъ* 1829 г., XIV, стр. 9—10.

Въ день рожденія великаго поэта онъ шлетъ ему прочувствованный привѣтъ *)):

Когда родился ты, хоръ въ олимпійскомъ мѣрѣ
Средь небожителей пророчески воспѣлъ:
Младенца славный ждетъ удѣлъ—
Плѣнять сердца игрой на лирѣ!...

«Другъ юности и всякихъ дѣтъ», арзамасецъ, но съ сильною классическою заваской, В. Л. Пушкинъ неизмѣнно преклонялся передъ талантомъ своего «племянника и поэта». По своему благодушію много онъ прощалъ своему «Пушкину, балагуру, стиховъ своихъ хулителю, которому Вольтеръ лишь нравится одинъ» **), даже насмѣшки и прямыя издѣвательства... Ему нравится, его плѣняетъ ***)

Все, что умно, краснорѣчиво,—
Все, что написано съ душой.

Поэтому-то онъ читаетъ «съ живымъ восторгомъ» стихи своего племянника и «твердитъ» ихъ «не для критики пустой—для наслажденья».

Молодой поэтъ—любимецъ Аполлона, одаренный тонкимъ вкусомъ,—«очарователь и счастливецъ», полонившій сердца всѣхъ

Своимъ талантомъ превосходнымъ,
Всѣ мысли выражать способнымъ.

Его произведенія полны «прекрасныхъ вдохновеній». Осуждая подчасъ «модный романтизмъ», В. Л. ****) любить и уважаетъ «истинный талантъ» племянника, совѣтуетъ ему не обращать вниманія на придирчивыя критики и не «оставлять своей прелестной свирѣли»:

Пустыя критики достоинствъ не умалятъ;
Жуковский, Дмитріевъ тебя и чтутъ, и хвалятъ;
Крыловъ и Вяземскій—въ числѣ твоихъ друзей:
Пиши и утѣшай ихъ музою своею,
Наказывай глупцовъ, не говоря ни слова,
Печатай имъ на зло скорѣе „Годунова!“...

Въ концѣ этого посланія онъ совѣтуетъ племяннику «словесность русскую, языкъ обогащать» и вѣчно соединять лавры съ миртами...

*) Ibid., 1829 г., XLI, стр. 27.

**) „Соч. В. Л. Пушкина“, стр. 88. Спб., 1893 г. Съ тѣмъ, что эти стихи относятся къ А. С. Пушкину, а не къ А. М. Пушкину, какъ нѣкоторые полагаютъ,—согласны такіе знатоки дѣла, какъ покойный Гаевскій, П. А. Ефремовъ и В. Е. Якушкинъ. Насмѣшки надъ стихами В. Л., исключительная любовь къ Вольтеру и „балагурство“—черты, отмѣченныя въ Пушкинѣ многими современниками и завѣренныя имъ самимъ. Это стихотвореніе относится къ одному изъ прїздовъ А. С. въ Москву изъ лицея или по выходѣ изъ него (1816—1819 гг.)—уже арзамасцемъ и признаннымъ поэтомъ. У В. Л. онъ встрѣчался съ И. И. Дмитріевымъ, американцемъ-Толстымъ, кн. Вяземскимъ и т. д.

***) Ibid., стр. 113.

****) Ibid., стр. 115—116.

Остроумное и изящное посланіе Катенина *) къ А. С. Пушкину находится въ тѣсной связи съ его балладой «Старая быль». Въ ней, между прочимъ, рассказывалось, что кн. Владиміръ на состязаніи пѣвцовъ присудилъ греку коня и латы, а русскому — завѣтный кубокъ, подаренный Святославу Цимисхіемъ.

Посланіе отдаетъ этотъ поэтичестій кубокъ «настоящему поэту» — Пушкину:

Лишь кубокъ, говорятъ, остался
Одинъ въ живыхъ изъ всѣхъ наградъ;
Изъ рукъ онъ въ руки попадался,
И даже часто невпопадъ, —
Гулялъ, бродилъ по бѣду свѣту,
Но къ настоящему поэту
Пришелъ однако на житье.
Ты съ нимъ, счастливецъ, поживаешь,
Въ него ты черезъ край вливаешь
Свое волшебное питье,
Въ которомъ Вакха дозъ огнистыхъ
Румяный, сочный, вкусный плодъ
Растворенъ свѣжестію чистыхъ,
Живительныхъ кастальскихъ водъ.

При свиданіи пусть Пушкинъ напоить его своимъ волшебнымъ питьемъ, по съ кубкомъ нужно обращаться осторожно:

Онъ, я слыхалъ, замороженъ,
И смѣло пить тому лишь можно,
Кто сыномъ Фебовымъ рожденъ.

Лукаво подсмѣивается Катенинъ надъ нашими замороженными романами:

Невиннымъ опытомъ сначала
Узнай, правдивъ ли этотъ слухъ:
Младыхъ романтиковъ хоть двухъ
Проси отвѣдать изъ бокала.
И если, капли не проливъ,
Напьются милые свободно,
Тогда и слухъ, конечно, дживъ,
И можно пить кому угодно;
Но если, Боже сохрани,
Замочатъ пазуху они, —
Тогда и я желанье кину,
Въ урокъ поставлю ихъ бѣду
И вслѣдъ Ринальду паладину
Благоразуміемъ поѣду:
Надеждой ослѣпленъ пустою,
Опаснымъ не прельщусь питьемъ
И, въ дѣло не входя съ судьбою,
Останусь лучше при своемъ.
Наливъ, тебѣ подамъ я чашу,

*) „Соч. и переводы Катенина“, I, стр. 98—100. Спб., 1832 г.

Ты выпьешь, духомъ закипишь
И тихую бесѣду нашу
Бейронскимъ пѣнемъ огласишь...

Всѣмъ, конечно, памятенъ прелестный отвѣтъ Пушкина:

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосѣдь!...

У.

Если столь разнообразные представители старшихъ литературныхъ поколѣній мирно сходились за дружнымъ гимномъ въ честь молодого поэта, только что выступившаго на поэтическое поприще, то отъ его сверстниковъ мы можемъ ожидать еще болѣе повышенной оцѣнки созрѣвавшаго и созрѣвшаго таланта. Дѣйствительно, въ стихотвореніяхъ о Пушкинѣ литературной молодежи 20-хъ и 30-хъ годовъ мы найдемъ еще больше сердечности, восторга и больше сознательности, опредѣленности; не только *признаніе* всей мощи гения, но и довольно тонкое пониманіе его характерныхъ особенностей.

Для барона Розена *) онъ—«свѣтило изъ свѣтилъ», «полночное свѣтило». 26 мая, день рожденія великаго поэта, — «лучшій день весны», «великое празднество для свѣта»:

Въ дни соловья, во дни утѣхъ и цвѣта,
Когда съ небесъ слетаютъ счастья сны,
Есть празднество—великое для свѣта:
Какъ торжество, какъ *лучшій* день весны,
Мы правдуемъ рожденіе поэта,
Чьей живнию мы всѣ оживлены!
Сей день богамъ въ хвалу и честь мы ставимъ—
Такъ! Гения сошествіе мы славимъ!...

Неожиданно полученное посланіе отъ Пушкина глубоко взволновало Языкова **): никакъ онъ благосклоннаго привѣта

Въ тиши безвѣстности не ждалъ
Отъ сына музы своеправной,
Равно торжественной и славной
И высшей—рока и похвалы!

Вниманіе великаго поэта—залогъ безсмертія и для Языкова:

Меня твое благоволенье
Предастъ въ другое поколѣнье,
И сталь плѣшиваго косца,
Всему ужасная, не скосятъ
Тобой хранимаго пѣвца...

*) „Альціона“. Спб., 1832 г., стр. 33—34: „26-е мая“ бар. Розена.

**) Стих. т. II. Спб., 1858 г., стр. 156—157.

Сближеніе съ Пушкинымъ, дружескія бесѣды въ Михайловскомъ и Тригорскомъ дали Языкову много сильныхъ и глубокихъ впечатлѣній, и къ нимъ онъ очень часто возвращается въ своихъ позднѣйшихъ стихахъ: обычная тема въ нихъ—преlestь поэтической дружбы, вольнолюбивые споры, няня Пушкина *), обитательницы Тригорскаго. Многимъ дороги ему эти воспоминанія. Въ посланіи къ Вульффу **) онъ писалъ:

Мнѣ все плѣнительно въ Тригорскомъ,
Все свято: Пушкинъ, ты да я—
Тамъ не въ одномъ винѣ заморскомъ
Мы пили нѣгу бытія...

Горячо онъ привѣтствуетъ ***) Михайловское—

Пріютъ *свободнаго* поэта,
Не побѣжденнаго судьбой!
Благоговѣю предъ тобой,—
И даръ божественнаго свѣта,
Краса и радость лучшихъ лѣтъ,
Моя надежда и забава,
Моя любовь, и честь, и слава—
Мои стихи тебѣ привѣтъ!

Онъ первый оцѣнилъ ****) всю поэтическую прелесть Пушкинскои няни, «свѣтъ Родіоновны», незабвенной, «благодатной» хозяйки той сѣни,

Гдѣ Пушкинъ, не сраженъ суровою судьбой,
Презрѣвъ людей, молву, ихъ ласки, ихъ измѣны,
Священнодѣйствсвалъ при алтарѣ Камены...

Да и какъ ее забыть?

Всегда привѣтами сердечной доброты
Встрѣчала ты меня, мнѣ здравствовала ты...
.
Какъ сладостно твое святое хлѣбосолецтво
Намъ бадовало вкусъ и жажды своевольство!
Съ какимъ радушіемъ— красою древнихъ лѣтъ—
Ты набирала намъ затѣйливый обѣдъ!
.
Ты занимала насъ—добра и весела—
Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разговоромъ:
Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
Мы вѣрили тебѣ—и смѣхъ не прерывалъ
Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ;
Свободно говорилъ языкъ словоохотный,
И легкіе часы летѣли беззаботно!

Съ большимъ чувствомъ отзывался онъ на вѣсть объ ея смерти *****):

*) Ее Языковъ называетъ *Васильевою*, и только послѣ Анненковскаго изданія сочиненій Пушкина въ стихахъ Языкова *Васильевна* была замѣнена *Родіоновной*.

**) Ibid., т. I, стр. 106.

***) Ibid., т. I, стр. 74.

****) Ibid., т. I, стр. 89.

*****) Ibid., т. II, стр. 2—4.

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
 Подъ коимъ межъ чужихъ гробовъ
 Твой прахъ улегся, изнуренный
 Трудомъ и бременемъ годовъ.
 Ты не умрешь въ воспоминаньяхъ
 О свѣтлой юности моей
 И въ поучительныхъ преданьяхъ
 Про жизнь поэтовъ нашихъ дней...

Воспоминаніе о нянѣ сливается съ воспоминаніями о Михайловскомъ,
 бѣдномъ домикѣ поэта, самомъ поэтѣ; незабвенны для него — «обоями худыми»

Гдѣ, гдѣ прикрытая стѣна,
 Подъ нечиненый, два окна,
 И дверь стеклянная межъ ними;
 Диванъ подъ образомъ въ углу,
 Да пара стульевъ; столъ украшенъ
 Богатствомъ винъ и сельскихъ брашенъ...

Няня приходила къ столу.

Мы пиروвали. Не дичилась
 Ты нашей доли — и порой
 Къ своей веснѣ переносилась
 Разгоряченною мечтой;
 Любила слушать наши споры,
 Живые звуки чуждыхъ странъ,
 Рѣчей напоры и отпоры,
 И звонъ стакановъ о стаканъ.
 Ужъ гасить ночь свои свѣтила,
 Зарей алѣетъ небосклонъ;
 Я помню, что-то намъ про сонъ
 Давнымъ-давно ты говорила...
 Напрасно! Взялъ свое Токай,
 Шумиѣй удалая пирушка:
 Садись-ка, добрая старушка,
 И съ нами бражничай давай!
 Ты Расскажи намъ: въ дни былые,
 Не правда-ль, не на эту стать
 Твои бояре молодые
 Любили ночи коротать?...

Въ безхитростные рассказы увлекали пылкое воображеніе поэта:

...Какъ дѣтство шаловлива,
 Какъ наша молодость вольна,
 Какъ полнолѣтіе умна,
 И какъ вино краснорѣчива,
 Со мной бесѣдовада ты,
 Влекла мое воображенье.

Онъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ принести къ подножію
 ея смиреннаго креста свое «поминовеніе», «свѣжіе цвѣты» на гробъ:

Предъ нимъ печальной головою
 Склонюся; много вспомню я—

И умиленной мечтою
 Душа развѣжится моя!

Не одни воспоминанія молодости, не одно юное безпечное веселіе связывало поэтовъ, — сильнѣе соединяла ихъ пылкая любовь къ свободѣ и красотѣ. Языковъ пишетъ Пушкину *):

О ты, чья дружба мнѣ дороже
 Пивѣтовъ ласковой молвы,
 Милѣ дѣвицы пригожей,
 Святѣ всякой головы!
 Огнемъ стиховъ ознаменую
 Тѣ достохвальныя края
 И ту годину золотую,
 Гдѣ и когда мы, ты да я—
 Двѣ силы Руси православной—
 Постановили своенравно
 Нашъ поэтический союзъ.
 Пророкъ изящнаго, забуду-ль,
 Какъ волновалася во мнѣ,
 На самой сердца глубинѣ,
 Восторговъ пламенная удалъ...

.....
 Какъ мы, бывало, пьемъ да пьемъ,
 Творимъ обѣты нашей Гебѣ,
 Зовемъ свободу въ нашу Русь—
 И я на вѣчѣ, я на небѣ,
 И славою пращѣдовъ горжусь!
 Мнѣ утѣшительно доселѣ,
 Мнѣ весело вспоминать
 Сію поэзію во хмелѣ,
 Ума и сердца благодать...

Притягательную силу Пушкина, силу его личнаго обаянія живо чувствуетъ и Я. Н. Толстой, одинъ изъ наиболѣе симпатичныхъ членовъ легкомысленнаго общества «Зеленой лампы», умѣвшій мирить безхитростное, безпечное, жизнерадостное веселье съ довольно высокими культурными интересами.

Толстой, оказавшій Пушкину много услугъ, всегда былъ ему «милъ», по его собственнымъ словамъ. Оборванные благодаря ссылкѣ отношенія были сильно подогрѣты тоскою изгнанія и одиночества...

Когда въ 1822 г. Толстой вспомнилъ о своемъ опальномъ другѣ и написалъ ему письмо, Пушкинъ поспѣшилъ ему послать свои «сердечныя благодаренья»: «ты одинъ изъ всѣхъ моихъ товарищей, минутныхъ друзей минутной молодости, вспомнилъ обо мнѣ...

Горишь ли ты, лампада наша,
 Подруга бдѣній и пировъ?
 Кипишь ли ты, золотая чаша,
 Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?

*) Русскій Архивъ 1867 г., стр. 722; С.-Петербург. Вѣдомости 1866 г., № 163.

Все тѣ же-ль вы, друзья веселья,
 Друзья Киприды и стиховъ?
 Часы любви, часы похмелья
 Попрежнему-ль летать на зовъ
 Свободы, дѣни и бездѣлья?
 Въ изгнаньѣ скучномъ, каждый часъ
 Гора завистливымъ желаньемъ,
 Я къ вамъ лечу воспоминаемъ,
 Воображаю, вижу васъ“...

Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Толстой вымалываетъ посланія у Пушкина, просить у него поэтическихъ совѣтовъ *).

Въ его обращеніи къ великому поэту много любви и искренняго увлеченія:

О ты, который съ юныхъ лѣтъ
 Прельщаешь лирой золотою,
 Направя къ Пинду свой полеть,
 Летить во храмъ его стрѣлою,
 И тамъ, въ бесѣдѣ Аонидъ,
 То гимны страстны и веселы
 Поешь, какъ истинный пѣтъ,
 То громозвучные глаголы
 Текуть, какъ пламенна рѣка,
 Изъ устъ твоихъ обильнымъ токомъ,—
 Разсѣвши черны облака
 Въ своемъ пареніи высокомъ,
 Дивять и трогаютъ сердца...

Онъ просить у Пушкина хоть «бездѣлки» на память, хоть нѣсколькихъ стиховъ. Вѣдь ему творчество дается такъ легко:

Искусство для тебя не ново,
 Тебѣ плетутъ давно вѣнецъ
 На Пиндѣ музы для примѣра.
 Возьми-жъ свой пламенный рѣзецъ,
 Владыко риемы и размѣра,
 И имъ изобрази мнѣ живо
 Прелестный образъ музы той,
 Что пѣтъ тебя краснорѣчиво
 Такъ научила, милый мой...

Его восхищаетъ сжатость и изящная простота Пушкинскаго стиха:

Открой искусство мнѣ столь сладко
 Писать, какъ вѣчно пишешь ты,
 Чтобъ могъ изображать я *кратко*
 И сохранялъ бы красоты,
 Чтобъ нѣжность, вкусъ, витѣйства сила,
 Что отъ боговъ тебѣ даны,
 И кои Русланъ, Людмила
 Удачно такъ облечены,
 Въ моихъ стихахъ являлись съ блескомъ

*) „Мое праздное время“. Спб., 1821 г., стр. 48—51.

Такимъ же точно, какъ въ твоихъ;
Во вкусъ медленномъ немецкомъ
Отвадь меня низать мой стихъ;
 Въ моихъ строфахъ излишество слога
 Рѣзцомъ своимъ ты отколи,
 И отъ таланта хоть немного
 Ты своего мнѣ удѣля!
 На что мнѣ длинное посланье?
 Твоихъ стиховъ десятка три—
 Вотъ, Пушкинъ, все мое желанье:
 Меня ты ими подари.
 Пускай трудится мрачный мистикъ
 Надъ кипой древнихъ теоремъ,—
 Ты напиши одинъ мнѣ листикъ,
 И я доволенъ буду тѣмъ.
Давно въ враждѣ ты съ педантизмомъ
И съ пустословіемъ въ войнѣ,
 Такъ научи-жь, какъ съ *лаконизмомъ*
 Ловчѣе подружиться мнѣ...
 Прошу, очисти мнѣ дорогу
 Кратчайшую во вкуса храмъ,
 И, твоего держася слогу,
 Пойду пита по стопамъ!

Пушкинъ отвѣчалъ ему не «бездѣлкой», а прелестными стансами:

Ахъ, младость не приходитъ вновь!
 Зови же сладкое бездѣлье.
 И легкокрылую любовь,
 И легкокрылое похмелье!
 До капли наслажденье пей,
 Живи безпечень, равнодушень,
 Мгновенью жизни будь послушенъ,
 Будь молодъ въ юности твоей!

Толстой широко воспользовался добрымъ совѣтомъ своего пріятеля...

VI.

Въ отношеніяхъ молодыхъ поэтовъ къ Пушкину много искренней пріязни, самой нѣжной заботливости—и вмѣстѣ съ тѣмъ очень высокой требовательности. Такъ А. М. (можетъ быть, А. Марлинскій-Бестужевъ) горько упрекаетъ *) «отважнаго питомца Камень» за его свѣтскія и любовныя увлеченія, за то, что онъ тратитъ «восторги священныхъ часовъ для пѣсной любви и забавы»:

и юности дважды, пѣвецъ, не придуть!
 Утраченнымъ чувствамъ не будетъ возврата,
 И жадный Кроніонъ протекшихъ минутъ
 Не выдастъ за дѣну всеильнаго злата!
 Оставь притупленнымъ и празднымъ душамъ
 Отгнать беззаботно ихъ срочное время,

*) *Сынъ Отечества* 1822 г., часть 76, стр. 129—131.

Оставь сладострастье коварнымъ женамъ,
 Сбрось чувственной нѣги позорное бремя!
 Пусть бьются другіе въ волшебныхъ сѣтяхъ
 Ревнивыхъ прелестницъ,—пусть ищутъ другіе
 Награды съ отравой въ ихъ хитрыхъ очахъ:
 Храни для героевъ восторги прямые,
 Согрѣй ихъ лучами возвышенныхъ дѣлъ
 И стройной красою изящнаго міра,
 И доблести строгой дай лиру въ удѣлъ,
 И доблестью строгой прославится лира!

Своимъ «юнымъ и слабымъ языкомъ, коспѣющимъ рано на ложѣ страданья», онъ хотѣлъ бы проникнуть во «вдохновенное сердце» поэта, вдохнуть въ него новую жизнь, заставить его воспѣть «сираго героя» — можетъ быть, Наполеона, передъ которымъ преклонялись наши юные романтики.

Веневитиновъ *) понуждаетъ его воспѣть—Гёте:

Извѣстно мнѣ: доступенъ гевій
 Для гласа искреннихъ сердець.
 Къ тебѣ, возвышенный пѣвецъ,
 Вываю съ жаромъ пѣснопѣній:
 Разсѣй на мигъ восторгъ святой,
 Раздумье творческаго духа,
 И снисходительнаго слуха
 Младую музу удостой...

Веллкій поэтъ въ своемъ «хвалебномъ гимнѣ» воспѣлъ уже Байропа, Наполеона и Шенье:

Волнуясь пѣснію твоей,
 Въ груди восторженной моей
 Душа рвалась и трепетала.
 Но ты еще не доплатилъ
 Каменамъ долга вдохновенья:
 Къ хваламъ оплаканныхъ могилъ
 Прибавь веселыя хваленья.
 Ихъ ждетъ еще одинъ пѣвецъ...

Это «властитель думъ» поэтически-философскаго кружка Веневитиновы—Гёте: вѣдь

Досель въ немъ сердце не остыло,
 И вѣрь, онъ съ радостью живой
 Въ пріютѣ старости унылой
 Еще услышитъ голосъ твой.
 И, можетъ быть, тобой плѣненный,
 Последнимъ жаромъ вдохновенный,
 Отвѣтно лебедь запоетъ
 И, къ небу съ пѣснію прощанья
 Стремя торжественный полетъ,
 Въ восторгѣ дивнаго мечтанья
 Тебя, о Пушкинь, назоветъ!

*) Соч., Спб., 1855 г., стр. 54.

Изящное посланіе Ф. А. Туманскаго *) выдвигаетъ на первый планъ ранній распѣтъ гения въ Пушкинѣ, гордую независимость творческой личности, сохранившей «въ шумѣ свѣта» «небесный жаръ» своей души и «вмѣщавшей міръ» въ себя одной, «самодержавной»:

... вѣрный тайному влеченію,
Онъ надъ судьбой торжествовалъ.
Подъ бурями, въ глуши изгнанья,
Вмѣщая міръ въ себя одномъ,
Младое сѣмя даровавъ,
Какъ пышный цвѣтъ, созрѣло въ немъ.
Онъ плѣлъ въ степяхъ, подъ игомъ скуки
Влача свой странническій вѣкъ,—
И на плѣнительные звуки
Стекались нимфы чуждыхъ рѣкъ;
Внимая пѣснопѣвьямъ славнымъ,
Пришельца въ лавры облекли
И въ умиленьи нарекли
Его пѣвцомъ самодержавнымъ!

Недовольная Пушкинымъ за его нападки на женщинъ, Готовцова **), однако, все прощаетъ *генію*:

Несправедливъ твой приговоръ,
Но порицать тебя не смѣемъ:
Мы генію простить умѣемъ—
Молчанье выразить укоръ.

Многимъ дорогъ ей высокой талантъ пѣвца, —чудеснымъ изображеніемъ природы, тонкимъ анализомъ душевныхъ движеній, «выраженіями *свободныхъ мыслей*»:

О, Пушкинъ, слава нашихъ дней,
Поэтъ, любимый небесами!
Ты вѣкъ нашъ на зарѣ своей
Украсилъ дивными цвѣтами:
Кто выразить тебя сильнѣй
Природы блескъ и чувства сладость,
Восторгъ любви и сердца радость,
Тоску души и пылъ страстей?
Кто не дивился вдохновеньямъ,
Игривой юности мечтамъ,
Свободныхъ мыслей выраженьямъ,
Которыя ты предалъ намъ?
Въ неподражаемой картинѣ
Ты намъ Кавказъ изобразилъ,—
И дѣву горъ, и плѣвъ въ чужбинѣ,
Черкесовъ жизнь въ родной долині
Волшебной кистью оживилъ.
Дворецъ и садъ Бахчисарая,
Фонтанъ любви, грузинки мечь,

*) Стих. В. И. Туманскаго. Спб., 1881 г., стр. XXVII—XXVIII.

***) „Сѣверные Цвѣты“. Спб., 1828 г., стр. 180—181.

Изъ края въ край, не умолкая,
Гласять поэту славы вѣсть...

Для неизвѣстнаго поклонника кн. З. А. Волконской, отправившаго къ ней сочиненія Пушкина съ своей стихотворной припиской *), Пушкинъ—
«геній», «талантъ всемогущій»:

Который терни намъ розами творить,
Который не умретъ во времени грядущемъ,
Въ которомъ вѣчный огонь божественный горитъ
И на котораго взираетъ съ вѣчнымъ хладомъ
Одинъ отверженецъ природы и небесъ!...

Свое поэтическое обращеніе поэтъ заканчиваетъ словами:

Раскрой же Пушкина! Раскрой его скорѣй,
Приникни взорами и чувствами къ поэту,
Отъ музъ самихъ вѣнецъ пріавшему атлету,—
И олимпійскій нектаръ пей!

Шевыревъ **) гордится тѣмъ, что онъ—ученикъ Пушкина, «камертонъ-
поэта»: изъ Рима, пишетъ онъ Пушкину—

Изъ гроба древности тебѣ привѣтъ!
Тебѣ сей гласъ, гласъ неокрѣпиль, юный,—
Тебѣ звучать, нашъ камертонъ-поэтъ,
На ладъ твоихъ настроенныя струны.
Простишь меня великодушно въ томъ,
Когда твой слухъ взыскательный и нѣжный
Я оскорблю неслаженнымъ стихомъ
Иль риемою нестройной и мятежной.
Но, можетъ быть, порадуешь себя
Въ моемъ стихѣ своимъ же ты успѣхомъ,—
Что въ древній Римъ отозвалась твоя
Гармонія, хотя и слабымъ эхомъ...

Онъ горько жалуется Пушкину на современный русскій литературный
языкъ:

... отъ слова-ль праздный слогъ
Чуть отогнешь, небережно ли вынешь,
Тѣснѣ-ль въ рѣчь мысль новую водвинешь,—
Ужъ боленъ онъ, не вынесетъ, крахтитъ,
И мысль на немъ, какъ грузъ какой, лежитъ!

Единственная надежда у него—на Пушкина, глубоко познававшего «при-
родный составъ», «звукъ и нравъ» русскаго языка:

... кто-жь его опрavitъ?
Кто отъ овра болящаго возставитъ?...
Тебѣ открытъ природный въ немъ составъ,
Тебѣ знакомъ и звукъ его, и нравъ.
Врачуй его: подъ хладнымъ русскимъ Фебомъ
Корми его почаще сытнымъ хлѣбомъ,

*) *Дятскій Журналъ* 1826 г., т. III, стр. 111—112.

**) *Денница*. М., 1831 г., стр. 107—114.

Отъ суетныхъ печалей отучи
 И русскими въ немъ чувствами звучи,

 Чтобъ богатырь стряхнулъ свой сонъ глубокий,
 Даль звукъ густой, и сильный, и широкій,
 Чтобъ славою отчизны прогудѣлъ,
 Какъ колоколь, изъ мѣди лить рифейской,—
 Чтобъ перешелъ за свой родной предѣлъ!...

Узнавъ случайно, что Пушкинъ называлъ его слогъ «блѣднымъ, какъ мертвецъ», и отрицалъ въ его поэзіи «чувство» и «живость», благодутный Плетневъ сильно огорчился, но не обидѣлся—по весьма характерной причинѣ *):

Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ:
 На немъ печать твоей открытой силы,
 И, можетъ быть, взискательный урокъ
 Ослабія мои возбудить крылы.
 Твой гордый гнѣвъ, скажу безъ лишнихъ словъ,
 Утѣшнѣ хвалы простонародной:
 Я узнаю судью моихъ стиховъ,
 А не льстеца съ улыбкою холодной!..

На «Посланіе въ Сибирь», дошедшее до «Баторжныхъ норъ», декабристъ гв. А. И. Одоевскій отвѣтилъ сильными стихами (*Бартеневъ*, «Пушкинъ». М., 1881 г., стр. 112—113):

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
 До слуха нашего дошли!
 Къ мечамъ рванулись наши руки,
 Но лишь оковы обрѣли.
 Но будь спокоенъ, бардъ: цѣпями,
 Своей судьбой гордился ты,
 И за затворами тюрьмы
 Въ душѣ смѣемся...
 Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ:
 Изъ искры возгорится пламя,
 И православный нашъ народъ
 Сберется подъ святое знамя.
 Мечи скуемъ мы изъ цѣпей,
 И вновь вождемъ огонь свободы
 И съ нею грянемъ...
 И родостно вздохнуть народы!

Для Бороздны **) Пушкинъ—«любимый баловень музъ», «новый Прометей», «гордый и свободный геній», проложившій себѣ «вольный путь»:

Кавказа средь вершинъ надменныхъ,
 Въ поляхъ Тавриды, орошенныхъ
 Салгира звучною волной,
 Средь ханскихъ стѣвъ опустошенныхъ

*) Сочин. и переписка. III. Спб., 1885 г., стр. 276—278.

**) *Славяникъ* 1828 г., II, стр. 487—489.

И на берегахъ Невы родной—
 Вездѣ ты зришь міръ прекрасный,
 Пльнительный, разнообразный,
 Куда всѣхъ манишь за собой
 Звѣчаемъ лиры сладкогласной!

.
 Такъ! Власть пльнять сердца людей
 Въ тебѣ есть музы даръ безцѣнный;
 Когда же, слыши вдохновенный,
 Поешь ты звучно вмѣстѣ съ ней,—
 Тогда родной страны твоей
 Лѣтъ прошлыхъ славные поэты
 (Огнемъ давнишнимъ вновь согрѣты
 Летать, покинувъ наконецъ
 Страну Элизія и Леты,—
 Тебѣ внимать, молодой пльвецъ,
 И, надъ челою обвороженнымъ
 Витая сонмомъ восхищеннымъ,
 Лавровый для тебя вѣнецъ
 Плещутъ съ восторгомъ неизмѣннымъ!...

Въ сильномъ и очень знаменательномъ стихотвореніи на смерть Пушкина *) онъ же примѣнилъ къ великому поэту стихъ изъ «Андрея Шенье»: «Плачь, муза, плачь!»

Насколько сознательно относился онъ къ понесенной русскою литературой тяжелой потерѣ, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующихъ словъ:

Ты перешелъ за край земного міра,
 Очарователь нашъ, родной пльвецъ,
 Священныхъ музъ любимый жрецъ,
 И златострунная осиротѣла лира!
 О, какъ пльнительно на ней,
 Во славу родины своей,
 Измлада полный откровенья,
 Игралъ могучей ты рукой,
 Роняя пламень вдохновенья
 Въ грудь молодого поколѣнья,
 Путеводимаго тобой!
 И путь твой совершенъ! И гордая Россія
 Ихъ сбережетъ, твои созданья вѣковыя,
 Нещерпаемый источникъ чувствъ и думъ!

Всѣмъ дорогъ и памятенъ Пушкинъ:

Ты стариковъ питаешь строгій умъ,
 Мечтателямъ даришь заманчивыя грезы,
 Скорбящимъ—утѣшенья слезы;
 Ты, какъ мудрецъ, разишь пороки,
 Величію даешь величія уроки,
 Волнуешь сердце юной дѣвы
 Картиной жизни и страстей,

*) *Сынъ Отечества* 1837 г., СLXXXVII, стр. 141—143; *Русскій Вѣстн.* 1869 г., XI, стр. 97—8.

И сладкорѣчіе любви внушаютъ ей
 Твои волшебные нагѣвы!
 Всесильной думою своей
 Давно минувшіе ты воскрешаешь годы;
 Когда-жъ живописуешь ты
 И міра чудеса и міра красоты,—
 Въ твоихъ стихахъ слышна гармонія природы!
 О, звуки ихъ изъ рода въ роды
 Стезеею славы долетаютъ!
 Потомки поздніе ихъ жадно затвердятъ,
 И будетъ ярко звѣздой
 Сіять вѣнецъ, покинутый тобою!

 А ты на новосельѣ неземномъ
 Восторжествуй, нашъ бардъ великій!
 На гробовомъ холмѣ твоёмъ
 Не порастутъ забвенія павилки,—
 Зазеленѣетъ лавръ безсмертія на немъ!...

VII.

Безвременная смерть великаго поэта произвела потрясающее впечатлѣніе на русское общество, сильно всколыхнула его сознание, вызвала общую растерянность, чувство острой боли передъ невознаградившею потерю.

Весь Петербургъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за послѣдними минутами жизни и встрѣтилъ открытымъ, глубокимъ горемъ смерть Пушкина—за исключеніемъ немногихъ «надменныхъ потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ», «свободы генія и славы палачей».

По словамъ гр. Соллогуба *) «Пушкина не стало. Вся грамотная Россія содрогнулась отъ великой утраты».

Панаевъ **) даетъ болѣе выразительную картину общественнаго настроенія:

«Трагическая смерть Пушкина пробудила Петербургъ отъ апатіи. Весь Петербургъ всполошился. Въ городѣ сдѣлалось необыкновенное движеніе. На Мойкѣ, у Пѣвческаго моста (Пушкинъ жилъ тогда въ третьемъ этажѣ стариннаго дома княгини Волконской), не было ни прохода, ни проѣзда. Толпы народа и экипажи съ утра до ночи осаждали домъ; извозчиковъ нанимали, просто говоря: «къ Пушкину», и извозчики везли прямо туда. Всѣ классы петербургскаго населенія, даже люди безграмотные, считали своимъ долгомъ поклониться тѣлу поэта. Это было уже похоже на народную манифестацію, на очнувшееся вдругъ общественное мнѣніе. Университетская и литературная молодежь рѣшила нести гробъ на рукахъ до церкви; стихи Лермонтова на смерть поэта переписывались въ десяткахъ тысячъ экземплярахъ, перечитывались и выучивались наизусть всѣми».

*) „Воспом.“, Спб. 1887 г., стр. 187.

**) „Полное собраніе сочиненій“, т. VI, Спб., 1888 г., стр. 103.

Многочисленные поклонники поэта забѣгали въ квартиру поэта десятки разъ справляться объ его состояніи и, узнавъ объ его кончинѣ, рѣшили «явиться на квартиру поэта и присоединиться къ тѣмъ, которые будутъ нести гробъ».

Какъ извѣстно, испуганное общественнымъ волненіемъ, начальство измѣнило церемоніаль погребенія и тайкомъ, ночью, вынесло трупъ поэта въ церковь. Въ церковь пускали только по билетамъ. «Вся Конюшенная площадь была усыпана народомъ. Квартальные такъ и сновали въ толпѣ. Жандармы верхами окружали площадь».

Принятія начальствомъ экстраординарныя мѣры еще болѣе волновали общество. Да и какъ было не волноваться?

По свидѣтельству кн. П. П. Вяземскаго *), «начальникъ штаба корпуса жандармовъ Дубельтъ, въ сопровожденіи около двадцати штабъ-и оберъ-офицеровъ присутствовалъ при выносѣ. По сосѣднимъ дворамъ были разставлены пикеты: все выражало предвѣщанье, что въ мирной средѣ друзей поэта можетъ произойти смута. Развернутыя вооруженныя силы вовсе не соответствовали малочисленнымъ и крайне смирнымъ друзьямъ Пушкина, собравшимся на выносъ тѣла. Назначенный день и мѣсто выноса были измѣнены; списокъ лицъ, допущенныхъ къ присутствованію въ печальной процессіи, былъ крайне ограниченъ, и самыя энергическія и самыя осязательныя мѣры были приняты для недопущенія лицъ неприглашенныхъ».

Желая удержать студентовъ отъ участія въ погребеніи Пушкина, министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ далъ знать въ университетъ, что въ день похоронъ онъ посѣтитъ аудиторію, и этимъ еще болѣе подлил масла въ огонь.

Одинъ изъ тогдашнихъ студентовъ, скрывшійся подъ буквою М., позднѣе вспоминалъ **): «Роковая вѣсть о кончинѣ пришла на другой же день, при окончаніи лекцій, въ 4-мъ часу. Многие студенты сговорились идти вмѣстѣ на похороны Пушкина, но не знали, откуда будутъ похороны, — всѣ полагали, что изъ Адмиралтейской церкви; послѣ оказалось, что таковыхъ похоронъ вовсе въ Петербургѣ не было: было одно отпѣваніе въ Конюшенной церкви; самое время препровожденія туда тѣла держалось въ неизвѣстности, и официальные приглашенія были въ церковь, изъ нихъ только мы узнали о днѣ отпѣванія. Толпами мы бросились сперва къ Адмиралтейской, потомъ къ Конюшенной площади, но здѣсь трудно было протолкаться чрезъ полицію, и только нѣкоторые счастливыя получили доступъ въ церковь; въ числѣ ихъ меня не было, и я оставался съ другими на площади и былъ очевидцемъ того, какъ на вопросъ проходящихъ, кого хоронятъ, жандармъ ничего не отвѣтилъ, будочникъ, — что не можетъ знать, а квартальный надзиратель: «Камеръ-юнкера Пушкина!» Долго ждали мы окончанія церковной службы; наконецъ, на паперти начали появляться выхо-

*) „Собрание сочин.“, Спб., 1893 г., стр. 559—560.

***) *Русская Старина*, 1881 г., т. V, стр. 159—160.

дядіа изъ церкви лица. Гробъ вынесенъ былъ на улицу посреди пестрой толпы мундировъ и салоповъ, что мало соответствовало тому чувству, которое въ этотъ моментъ наполняло наши юношескія души. Живо помню, какъ взоры наши слѣдили въ глубину воротъ съ гробомъ, пока онъ не исчезъ—вотъ все, чѣмъ ознаменовалось участіе молодежи въ погребеніи русской гражданской славы!»

Несмотря на всѣ препятствія, толпы народа стекались къ площади церкви, гдѣ отпѣвали Пушкина, и «среди всеобщаго участія къ умершему, среди всеобщаго глубокаго сожалѣнія», какъ то сами собою сложились «дѣйствительно народные похороны», по выраженію Никитенка *).

Въ провинціи, вдали отъ бдительнаго начальственнаго глаза, скорбь выражалась свободнѣе и—мѣстами—сильнѣе. По словамъ Мельникова-Печерскаго, казанскій профессоръ словесности и эстетики Суровцовъ, получивъ извѣстіе о кончинѣ Пушкина, явился на лекцію съ особою цѣлью. Суровцевъ, по обыкновенію, вошелъ въ аудиторію во время боя часовъ. Мы ожидали, что онъ, какъ водится, взойдетъ, слегка прихрамывая, на кафедру, сядетъ, оглядитъ студентовъ, замѣчая, кто не пришелъ на лекцію, вынетъ серебряную табакерку, положитъ ее налѣво и начнетъ лекцію обычною фразою: «Въ прошедшій разъ бесѣдовали мы, государи мои, о томъ-то». Не тутъ-то было. Г. С. взошелъ на кафедру и, не садясь, вынулъ изъ кармана газетный листокъ, помнится, *Русскаго Инвалида*, поднялъ его вверхъ и, окинувъ быстрымъ взглядомъ аудиторію, громко сказалъ: «Встаньте!» Мы встали, съ изумленіемъ глядя на профессора. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ, въ которомъ слышались горькія задушевные слезы, онъ прочелъ извѣстіе — всего нѣсколько строкъ. Живо помню первые слова его: «солнце нашей поэзіи закатилось—нѣтъ болѣе Пушкина!» Аудиторія ахнула въ одинъ голосъ, послышались рыданія... Самъ профессоръ сѣлъ и, склонивъ на кафедру сѣдую, какъ серебро, голову, горько заплакалъ... Прошло нѣсколько минутъ, онъ всталъ и сказалъ: «князь русскихъ поэтовъ во гробѣ. Его тѣло везутъ изъ Петербурга куда-то далеко. При незакрытомъ еще гробѣ Пушкина какъ смѣть говорить о русской словесности! Лекція не будетъ—пойдемте молиться». Во время торжественной панихиды присутствовали: попечитель, профессора, студенты и члены «общества любителей отечественной словесности», къ которому принадлежалъ и Пушкинъ (*Усова: П. И. Мельниковъ*. Спб., 1898 г., стр. 57—58).

Почти всѣ журналы отозвались горячо и сочувственно на національное горе; предъ смертью смолкли всѣ личные счеты, и даже самые ожесточенные литературные враги покойнаго поддались общему настроенію.

С.-Петербургскія и Московскія Вѣдомости (№ 24-й 31 января и № 11-й 6 февраля) указали, что «русская литература не терпѣла столь важной потери со времени смерти Карамзина». *Journal de St.-Petersbourg* (№ 13) отмѣтилъ, что «Россія обязана благодарностью Пушкину за услуги,

*) „Дневникъ“, т. I, стр. 382—383.

оказываемыя имъ литературѣ въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ и сопро-
вождавшіяся рядомъ блистательныхъ успѣховъ во всѣхъ видахъ произве-
деній. Пушкинъ жилъ только 37 лѣтъ — время слишкомъ краткое для
обыкновеннаго человѣка, но очень значительное, если принять во внима-
ніе все созданное имъ за такой недолгой періодъ. Отечество могло ожи-
дать отъ него еще многого». По словамъ *St.-Petersbourg Zeitung* (№ 25),
«русская литература понесла незамѣнимую утрату со смертью замѣчатель-
наго писателя Александра Пушкина. Покойный достигъ только 37-лѣтняго
возраста; онъ оставилъ поле дѣятельности, создавши уже много блестящаго,
въ тотъ періодъ жизни, когда отъ его созрѣвшаго генія можно было ожи-
дать еще болѣе блистательныхъ твореній».

Московский Наблюдатель *) далъ трогательное «извѣщеніе о смерти
Пушкина»: «Пушкина не стало! Мы потеряли съ нимъ часть лучшихъ
наслажденій нашихъ, часть нашей народной жизни, нашей души, нашего
слова. Въ послѣдніе годы онъ не былъ такъ дѣятеленъ, какъ прежде; но
теперь, когда его нѣтъ, кто не вспомнитъ тѣхъ чувствованій, какими по-
трясалъ онъ всю Россію, когда поэма смѣняла поэму, когда мы не успѣ-
вали досыта насладиться одною, и являлась новая, свѣжая пѣсня? Его
нѣтъ, и мы лучше узнали, кого мы лишились, и въ сердцахъ русскомъ какъ-
то стало тяжело и жутко, какъ будто часть его оторвалась съ поэтомъ.
Для Пушкина настало минувшее; насталъ печальный вопросъ о томъ, ка-
кое мѣсто долженъ занять его памятникъ въ ряду тѣхъ русскихъ гроб-
ницъ, гдѣ покоются владѣтели нашей мысли и славы. Много вопросовъ
предстоитъ рѣшить намъ, но теперь всѣ они да уступаютъ чувству горести
по любимомъ поэтѣ Россіи!»

Гречъ напечаталъ въ *Сѣверной Пчелѣ* **) небольшую замѣтку Л. Яку-
бовича, за что и получилъ суровый оффиціальныи выговоръ: «Сегодня,
29 января, въ 3-мъ часу пополудни, литература русская понесла невоз-
наградимую потерю: А. С. Пушкинъ, по кратковременнымъ страданіямъ
тѣлеснымъ, оставилъ юдольную сію обитель. Пораженные глубочайшею
горестью, мы не будемъ многорѣчивы при семъ извѣщеніи: Россія обязана
Пушкину благодарностью за 22-лѣтнія заслуги его на поприщѣ словесно-
сти, которыя были рядъ блистательнѣйшихъ и полезнѣйшихъ успѣховъ въ
сочиненіяхъ всѣхъ родовъ. Пушкинъ прожилъ 37 лѣтъ: весьма мало для
жизни человѣка обыкновеннаго, и чрезвычайно много въ сравненіи съ
тѣмъ, что совершилъ уже онъ въ столь краткое время существованія,
хотя много, очень много могло бы еще ожидать отъ него признательное
отечество»...

Одинъ изъ самыхъ ожесточенныхъ литературныхъ враговъ Пушкина,
Н. Полевой, посвятилъ его памяти обширную статью въ *Библиотеку для
Чтенія* (т. XXI) ***). Вотъ ея основныя положенія:

*) Москва, 1836 г. (sic), т. II, ноябрь, I кн., часть X, стр. 122.

**) 1837 г., № 24, стр. 94.

***) Стр. 181, 182, 194, 195, 197—198.

«Умеръ онъ. Пѣсня его умолкла. Погребальный звонъ колокола надъ его гробомъ отозвался въ Русской землѣ печальною вѣстью. «Пушкина нѣтъ!» Свѣтлая Божія весна скоро зазеленѣетъ, и въ тающемъ снѣгѣ псковскихъ лѣсовъ впервые обнажить холодную, безмолвную могилу великаго русскаго поэта».

«Въ холмистой странѣ могилъ, которыя поспѣшно вырастаютъ изъ почвы нашего вѣка, взоръ потомка будетъ искать и отыщетъ могилу твою, нашъ поэтъ! И надъ этою могилою, черезъ годы и столѣтія, всегда ровно будетъ горѣть, для избранныхъ, неугасаемый пламень вдохновенія».

«Въ теченіе 20 лѣтъ Пушкинъ пережилъ и почувствовалъ всю жизнью и всѣми мыслями своего времени и своего народа. Эти остатки классицизма и XVIII в. въ первыхъ его твореніяхъ; безотчетное бѣгство къ новымъ идеямъ; бессистемное юношеское стремленіе къ нововведеніямъ, которыми кишѣла литература англійская, германская, французская съ 1815 г.; отвращеніе отъ гибельныхъ слѣдствій, какими кончились эти усилія для большей части Запада; потомъ мысль о собственной самобытности, о народности сѣверной, восточной, русской; опыты создать ее въ литературѣ; необходимость труда разнообразнаго, переходы къ драмѣ, повѣсти, роману, исторіи, народной сказкѣ; вѣчное неудовлетвореніе себя тѣмъ, что довольствовало умъ обыкновенный; непрерывное движеніе впередъ и неизбежная оттого усталость; сомнѣніе, недовольство самимъ собою и другими— все это не показываетъ ли генія, рожденнаго въ вѣкъ переходный? Таковъ былъ Пушкинъ».

«Развѣ не исполинскій подвигъ—представить собою свое время и свой народъ въ области поэзіи? Какимъ благороднымъ чувствомъ современнымъ не билось теплое сердце нашего поэта? Что прекрасное и славное не находило сочувствія въ его душѣ? Хотите ли исчислить все, что высокаго и задушевнаго успѣлъ перемыслить и сказать Пушкинъ въ жизнь свою? Перебѣгите все, что врѣзалось неволью въ сердце ваше отъ его неподражаемыхъ стиховъ. Да, неподражаемыхъ! Когда мы всѣ умремъ, когда простынутъ наши сердца, и новыя времена, новыя подвиги, новыя впечатлѣнія овладѣютъ чувствами русскими и далеко оставятъ за ними понятія и происшествія, одушевлявшія Пушкина, и тогда еще онъ будетъ великій писатель, которому могутъ явиться равные по подвигу, но никогда равные по подражанію».

«Истинный истолкователь главной тогдашней потребности своего народа, онъ заговорилъ чистымъ, кореннымъ, живымъ языкомъ русскимъ въ своихъ пѣсняхъ, и вся наша поэзія заговорила этимъ языкомъ».

«Однимъ изъ драгоценнѣйшихъ качествъ Пушкина былъ его невыразимо чуткій и вѣрный вкусъ. Его ухо, его языкъ, его перо издали чуяли то, что неловко, негладко, неизящно по-русски».

«Пусть каждый изъ насъ, кто цѣнилъ геній Пушкина, будетъ участникомъ въ сооруженіи ему надгробнаго памятника. Наши художники вспыхнутъ вдохновеніемъ, когда мы потребуемъ отъ нихъ труда, достойнаго

предмета, и въ мраморѣ или бронзѣ станеть на могилѣ поэта монументъ, свидѣтель того, что современники умѣли цѣнить Пушкина. И сильно забьется сердце юноши, при взглядѣ на этотъ мраморъ, и тихо задумается странникъ, зашедшій въ ветхія стѣны Святогорской обители, гдѣ почиетъ незабвенный прахъ перваго поэта нашей славной Русской земли!»

«Солнце нашей поэзіи закатилось», писалъ Краевскій. Согрѣтые лучами этого солнца, русскіе писатели не могли не почувствовать всей величины, всей горечи потери и выразили общее настроеніе искренно, убѣжденно, сильно...

Услышавъ о кончинѣ Пушкина, въ далекой ссылкѣ, на Кавказѣ, Марлинскій «не сомкнулъ глазъ во всю ночь», на разсвѣтѣ заказалъ въ тифлисскомъ монастырѣ св. Давида панихиду по Грибоѣдовѣ и Пушкинѣ и, при пѣніи «за убиенныхъ бояръ Александра и Александра», «чуть не задохся отъ рыданій» *).

Жуковскій писалъ **): «Россія потеряла Пушкина въ ту минуту, когда гений его, созрѣвшій въ опытахъ жизни размышленіемъ и наукою, готовился дѣйствовать полною силой,—потеря невозвратная и ничѣмъ невознаградимая».

Братъ Ф. М. Достоевскаго, А. М., вспоминаеть ***): «не знаю, вслѣдствіе какихъ причинъ извѣстіе о смерти Пушкина дошло до нашего семейства уже послѣ похоронъ матушки. Вѣроятно, наше собственное горе и сидѣніе всего нашего семейства постоянно дома были причиною этому. Помню, что братья чуть съ ума не сошли, услышавъ объ этой смерти и о всѣхъ подробностяхъ. Братъ Федоръ въ разговорахъ со старшимъ братомъ нѣсколько разъ повторялъ, что ежели бы у него не было семейнаго траура, то онъ просилъ бы позволенія отца носить трауръ по Пушкинѣ». Братья Достоевскіе даже сговорились, «пріѣхавъ въ Петербургъ, тотчасъ же сходить на мѣсто поединка и пробраться въ бывшую квартиру Пушкина, чтобы увидать ту комнату, въ которой онъ испустилъ духъ».

Въ интимныхъ разговорахъ съ А. Ф. Кони И. А. Гончаровъ вспоминалъ ****): «Пушкинъ былъ въ это время для молодежи все, всё ея упованія, сокровенныя чувства, чистѣйшія побужденія, всё гармоническія струны души, вся поэзія мыслей и ощущеній—все сводилось къ нему, все исходило отъ него... Я помню извѣстіе объ его кончинѣ. Работы было немного,—и я для себя, безъ всякихъ цѣлей, писалъ, сочинялъ, переводилъ, изучалъ поэтовъ и эстетиковъ. Особенно меня интересовалъ Винкельманъ. Но надъ всѣмъ господствовалъ онъ. И въ моей скромной чиновничьей комнатѣ, на полочкѣ, на первомъ мѣстѣ, стояли его сочиненія, гдѣ все было изучено, гдѣ всякая строка была прочувствована, продумана... И вдругъ пришли и сказали, что онъ убитъ, что его болѣе нѣтъ... Это было въ департаментѣ.

*) *Русскій Вѣстникъ*, 1869 г., т. XI, стр. 99.

***) *Сочин.*, Спб., 1885 г., т. VI, стр. 7.

****) «*Полное собраніе сочиненій Ф. М. Достоевскаго*». Спб., 1883 г., т. I, стр. 27, 29.

*****) *Русск. Стар.* 1899 г., V, стр. 265—266.

Я вышелъ изъ канцелярiи въ коридоръ и горько, горячо, не владея собой, отвернувшись къ стѣпѣ и закрывая лицо руками, заплакалъ. Тоска ножомъ рѣзала сердце, и слезы лились въ то время, когда все еще не хотѣлось вѣрить, что его уже нѣтъ, что Пушкина нѣтъ! Я не могъ понять, чтобы тотъ, предъ кѣмъ я склонялъ мысленно колѣни, лежалъ бездыханенъ... И я плакалъ горько и неутѣшно, какъ плачуть по полученiи извѣстiя о смерти любимой женщины... Нѣтъ, это невѣрно, — по смерти матери... да, матери...»

VIII.

Въ многочисленныхъ стихотворенiяхъ на смерть Пушкина на-ряду съ воспоминанiями и излиянiями взволнованнаго чувства мелькають любопытныя черты оцѣнки личности и творчества великаго поэта.

Какъ извѣстно, однимъ изъ первыхъ вступился за «праведную кровь поэта», за «нашу славу» Лермонтовъ. Его стихи прозвучали тяжкимъ обвиненiемъ противъ «наперниковъ разврата», «клеветниковъ безбожныхъ», противъ «свѣта, завистливаго и душнаго для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей»...

Замолкли звуки дивныхъ пѣсень,
Не раздаваться имъ опять...

Въ лицѣ Пушкина погибъ для него «свободный, чудный даръ», «дивный генiй».

Грустнымъ раздумьемъ вѣетъ отъ стихотворенiя Кольцова «Лѣсъ». Ему какъ-то не вѣрится, чтобы пошлая и низменная интрига могла погубить такую мощь ума и таланта:

Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражiя
Понахлынули;
Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову—
Не большой горой,
А соломинкой...

Его письмо къ Краевскому мѣстами незамѣтно переходитъ въ тонъ народной похоронной причети *): «А. С. Пушкинъ померъ; у насъ его уже болѣе нѣту!... Едва взшло русское солнце, едва освѣтило широкую Русскую землю небесъ вдохновеннымъ блескомъ, огня животворной силой; едва огласилась могучая Русь стройной гармонiей райскихъ звуковъ; едва раздалися волшебныя пѣсни родимаго барда... Прострѣлено солнце... Лицо по-мрачилось, безобразной глыбой упало на землю! Кровь, хлынувъ потокомъ, дымилася долго, наполняя воздухъ святымъ вдохновеньемъ недожитой жизни!... Толпой согласной соберитесь, други, любимцы искусства, жрецы вдох-

*) Стих. и письма Кольцова. Слб., 1893 г., стр. 118.

новенья, посланники Бога, пророки земные! Глотайте тотъ воздухъ, гдѣ русскаго барда, съ послѣднею жизнью, текла кровь на землю, текла и дымилась! Глотайте тотъ воздухъ, глотайте душою: та кровь драгоцѣнна. Собрите ту кровь, въ сосудъ положите, въ роскошный сосудъ. Сосудъ тотъ поставьте на той на могилѣ, гдѣ Пушкинъ лежитъ.

О, лейтесь, лейтесь же ручьями,
Вы, слезы горькія изъ глазъ,—
Нѣтъ больше Пушкина межъ нами,
Безсмертный Пушкинъ нашъ угасъ!

«Слѣпая судьба! Развѣ у насъ мало мертвецовъ? Развѣ, кромѣ Пушкина, тебѣ нельзя было кому-нибудь другому смертный гостинецъ передать? Мерзавцевъ есть много,—за что-жъ ты ихъ любишь, въ чему бережешь? Мерзавка судьба!... Творецъ Всемогушій свѣта! Твоя воля, Твои совѣты мудры, но непостижимъ намъ Твой законъ!»

Не можетъ примириться и Полежаевъ съ тою мыслью *), что

... поэтическія вѣжды
Соменула грозная стрѣла—
Тогда какъ свѣтлыя надежды
Вились вокругъ его чела;
Когда рука его сулила
Намъ тьму надеждъ, тогда сразила
Его судьба...

Его творческому воображенію представлялось—

... въ садахъ лица,
Какъ юный русскій соловей,
Весенней жизнью пламенья,
Расцвѣлъ нашъ дивный корифей!
И гармоническіе звуки
Его младенческія руки
Умѣли рано исторгать.

Пушкинъ «понялъ тайну вдохновеній, возсталъ, какъ новая стихія, могучъ и славенъ, и великъ,—и изумленная Россія узнала гордый свой языкъ».

Гдѣ же ты, поэтъ народный
Величавый, благородный,
Какъ широкій океанъ,
И могучій, и свободный,
Какъ суровый ураганъ?
Отчего же голось звучный,
Голось съ славой неразлучный,
Своенравный и живой,
Ужъ не царствуетъ надъ скучной,
Охлаждѣлоу душой,
Не владѣетъ нашей думой,
То отрадной, то угрюмой
По внушенью твоему?

*) Стихотв. Спб., 1892 г., стр. 75.

Не всегда ли безотчетно,
Добровольно и охотно
Покорялись мы ему?...

Смерть поэта поразила всѣхъ «невольнымъ содроганьемъ»...

Высоко надъ главою поэзіи печальной
Вознесся не вѣнокъ, но факелъ погребальный,—
И Пушкинъ—трупъ, и Пушкинъ—прахъ!
Онъ—прахъ!... Довольно! Прахъ—и прахъ непробудимый!
Угасъ, и навсегда, миллионами любимый
Державы сѣверной Баянъ!
Онъ новыя пріялъ нетлѣнные одежды
И къ небу воспарилъ, подъ радугой надежды,
Разсѣя вѣчности туманъ!...

Тютчевъ *) называетъ Дантеса «царевѣйцей» и общается погибшему поэту, что его, «какъ первую любовь, Россіи сердце не забудеть».

По словамъ Вунча **), смерть Пушкина, «любимаго жреца полночной музыки», «милаго генія»,—«тяжкая бѣда». Безжалостная судьба сразила его «въ разгарѣ *свѣтлыхъ* вдохновеній», «исполненнаго творчества и силъ»; онъ, «пришлецъ избранный», обреченный высокой долѣ, сіялъ лучезарной звѣздой на «небосклонѣ русской славы»...

Но мы внимали дивнымъ звукамъ,
Мы ими вѣжили сердца,
Такъ сохранимъ же нашимъ внукамъ
Даръ незабвеннаго пѣвца!
Даръ свѣтлый, пѣсни вдохновенны,—
Поэтъ въ тѣхъ пѣсняхъ не умретъ;
За нихъ ему вѣнецъ нетлѣнный,
Вѣнецъ безсмертья дастъ народъ.

Тѣ же ноты звучать въ прекрасномъ стихотвореніи Рахманнаго-Вревкина ***):

Умеръ Пушкинъ!... Нѣтъ поэта!
Лучезарная звѣзда
Закатилась навсегда
Для рвущаго свѣта!
Блескъ лучей ея исчезъ,
И несытая могила
Безвозвратно поглотила
Это лучшее свѣтило
Нашихъ пасмурныхъ небесъ.

Въ своей «думѣ о Пушкинѣ» М. Марковъ ****) даетъ довольно яркую характеристику личности и творчества великаго поэта:

*) Сочин. Спб., 1886 г., стр. 109—110.

**) *Галатея* 1839 г., V, № 44, стр. 559—560.

***) *Кіевлянитъ* 1880 г., № 125; „Опыты въ русской словесности воспит. гимназій Бѣлорусск. учебн. округа“. Вильна, 1839 г., стр. 287.

****) „Мечты и были“, I. Спб., 1838 г., стр. 15—17.

Давно ли ты, черно-вудрявый,
 Мѣдяно-лицый Фебъ жрецъ,
 Мнѣ огушилъ своею славой
 И съ торжествомъ надѣлъ вѣнецъ?
 Давно-ль, вслѣдъ музѣ прихотливой,
 Восторженный, нетерпѣливый
 Весь свѣтъ влачилъ за тобой.
 Въ ауль черкесовъ, въ садъ Гирея,
 Или въ жилище Кочубея—
 Изъ-подъ кибитки кочевой!
 Вездѣ, всегда себя достойный,
 Ты насъ, волшебникъ, изумлялъ;
 Пѣвнялъ ли ты картиной стройной,
 Язвиль ли ты, иль тосковалъ;
 Являлся ли въ бесѣдѣ шумной
 И, съ видомъ шутки, рѣчью умной
 Лжемудрость варварски (?) казнилъ,
 Иль молней быстрога отвѣта
 Сжигалъ недоумѣнья свѣта—
 И послѣ, какъ дитя, былъ мнѣ!
 И сколько на тебя Россія
 Надеждъ великихъ создала!
 Тебя на подвиги святые
 Она съ улыбкой обрекла.
 Сквозь мракъ времянь, подобный ночи,
 Одни твои соколы очи
 Могли прозрѣть,—и ты-бъ прозрѣлъ...
 Но вдругъ—да будетъ Божья воля!—
 Тебѣ дана иная доля...
 И цѣлый мнѣ осиротѣлъ...

Тяжелую по формѣ, но глубокую по своему смыслу оцѣнку Пушкина
 даетъ И. М. Бакунинъ *):

... Пушкина злѣсь прахъ!
 Онъ геній горделивый
 Не битвамъ посвятивъ, не шель стезей честей,
 Но, беззаботный и лѣнивый,
 Былъ музы баловень игривый,
 Взлелѣявъ музой съ юныхъ дней.
 Онъ, бывъ въ душѣ вполнѣ поэтъ,
 Не для другихъ пѣлъ, не для славы,—
 Какъ соловей въ тѣни дубравы,
 Пѣлъ все, что въ умъ ему придетъ:
 То въ думахъ громкихъ возвышался,
 Исполненъ бывъ избыткомъ силъ,
 То пѣсню смѣлой утѣшался
 Иль вздоромъ публику смѣшилъ;
 То своевольно и забавно
 Страстями, чувствами игралъ,
 То кистью рѣзвой своеюравно

*) „На все и время и пора“. Спб., 1838 г., стр. 115—118; *Новое Время*, №№ 2875, 2877, 2882; *Новости литературы* 1884 г., сент., стр. 136.

Своихъ противниковъ караль.
Разказъ живой и простодушный
 Онъ сохранять въ стихахъ умѣлъ,
 И вѣчно, музыкѣ послушный,
 Роскошно стихъ его гремѣлъ.
 Огнестый, полный чувства силы,
 Врѣзался въ памяти легко;
 Его бездѣлки были милы;
 Что думалъ,—думалъ глубоко.
 Читали, радуясь, его
 Въ глуши деревни и въ столицѣ,
 Отраднa русскому была
 Народность въ Пушкина дѣвницѣ
 Всѣмъ пѣснь его была мила...

Пушкинъ, прежде всего, лучший изобразитель и выразитель своего вѣка, исполненнаго всякихъ противорѣчій:

Его ужъ нѣтъ! Но живъ для свѣта
 Онъ вѣчно лирою своей.
 Пройдетъ грядущими вѣками,
 Изобразивъ остро, легко
 Потомству рѣзкими чертами
 Духъ буйный вѣка своего,
 Его мечты, его желанья,
 Пороки, слабости, страданья,
 Житье потѣшное его!
 Герой, побѣдами стяжавшій славу міра,
 Вельможа, властелинъ забудутся скорѣй,
 Чѣмъ память Пушкина: и пѣснь его, и лира
 Ему нетлѣнный мавзолей!

Огаревъ, упомянувъ случайно *) о Пушкинѣ въ своемъ «Юморѣ», со скорбью восклицаетъ:

. Но, Боже мой,
 Кого я назвалъ?... Плачь надгробный
 Ужели смолкъ въ странѣ родной?
 Гдѣ нашъ пѣвецъ, душой незлобный,
 Гдѣ дивныхъ пѣсень даръ святой
 И голосъ, шуму водъ подобный?
 Гдѣ слава нашихъ тусклыхъ дней?

 Когда молву, что нѣтъ его
 Въ столицѣ древней услышали,
 Всѣмъ было грустно отъ того.
 Всѣ посердились, покричали,
 Но черезъ день—какъ ничего,
 Опять спокойно замолчали:
 Такъ шумный рой спугнутыхъ мухъ,
 Взлетѣвъ на мигъ, садится вдругъ...

 ничтожный прахъ

*) Стр. 65—69.

Людей ничтожныхъ и презрѣнныхъ,
 Которыхъ кознями поэтъ
 Погибъ въ всей силѣ лучшихъ лѣтъ.
 Ему досадой сердце жгли,
 И дѣло быстро шло къ дуэли;
 Предотвратить ее могли,
 Но не хотѣли, не хотѣли...
 Къ нему на похороны шли
 Лишь люди въ фризовой шинели,
 И тѣхъ обманомъ отвели,
 И гробъ тихонько отвезли.
 Поэта мучить и терзать,
 Губить со злобою холодной,
 На тѣло мертвое не дать
 Пролить слезу любви народной—
 Что жъ можно вамъ еще сказать,
 Чтобъ было хуже? Благородный,
 Священный гнѣвъ въ душѣ моей
 Кипитъ—чѣмъ скрытнѣй, тѣмъ сильнѣй.
 Но только втайнѣ пару словъ
 Могу сказать въ кругу собратій,
 Боюсь тюрьмы, боюсь оковъ,
 Боюсь предательскихъ объятій.
 А какъ бы на его враговъ
 Я, сколько есть въ душѣ проклятій,
 Собратъ былъ радъ въ единый мигъ,
 Чтобы въ лицо имъ плюнуть ихъ.
 И вашъ еще спокоенъ духъ,
 И не дрожите вы съ досады,
 Что такъ безсильны мы, мой другъ,
 И что намъ правду прятать надо,
 И мнѣню высказаться вслухъ
 Вездѣ поставлены преграды?!
 Да, еслибъ кто чужой узналъ,
 Онъ насъ бы трусами назвалъ!

Я. К. Гротъ («Нѣсколько данныхъ къ біографіи», Спб., 1895 г., стр. 75;
 «Пушкинъ», Спб., 1899 г., стр. 289—280), отозвавшись на общую скорбь:

Сколько прекрасныхъ начатковъ новой блистательной славы
 Въ гробъ онъ уносить съ собой!...

Находимъ все-таки просвѣтъ—и утѣшеніе:

... Но утѣшимся, мысль намъ осталась;

Древо разбито грозой, но плоды отъ него уцѣляли.

Младости бурной порывы, сердца печальныя думы,

Взглядъ самобытный на міръ, на призывы природы свой откликъ—

Все завѣщала намъ поэтъ...

IX.

передъ нами прошла пестрая вереница русскихъ поэтовъ, крупныхъ и
 мелкихъ, даровитыхъ и бездарныхъ, передовыхъ и отсталыхъ, съ ихъ
 оцѣнкою Пушкина. Мы видѣли не только одно безотчетное признаніе силы,

преклонение передъ мощью гения, но и довольно тонкое пониманіе его своеобразныхъ отличій. За вычетомъ отдѣльныхъ, частныхъ шероховатостей и недоразумѣній, выступаетъ общій яркій, вполне правильный фонъ. Отмѣчены были могучее нравственное воздѣйствіе Пушкинской музыки, необыкновенно тонкій и острый умъ поэта, простодушіе и живость его разсказа, часто лукаваго и проказливаго,—самая ширина размаха и глубина творческихъ силъ, народность, яркое выраженіе своей эпохи, благородное свободлюбіе, изящная простота — однимъ словомъ, все то, что мы и теперъ больше всего цѣнимъ въ Пушкинѣ.

Часто повторяютъ избитую и исторически невѣрную фразу, будто Бѣлинскій первый установилъ надлежащій взглядъ на Пушкина. Что это не совѣмъ такъ, ясно доказываютъ уже отмѣченныя нами выше данныя. Это положеніе можно было бы еще болѣе сузить, еслибы мы припомнили журнальныя статьи И. Кирѣевского и другихъ критиковъ начала 30-хъ годовъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что лучшіе изъ современниковъ великаго поэта и до критическихъ статей Бѣлинскаго относились къ его личности и творчеству разумнѣе и сознательнѣе, чѣмъ это обыкновенно полагаютъ...

Тяжелыя впечатлѣнія 29 января 1837 г. только углубили, внесли больше свѣта сознанія въ эти взгляды.

Насколько былъ силенъ этотъ свѣтъ, можно было видѣть изъ цитированныхъ выше статей и стихотвореній.

Чтобы еще больше обосновать нашу мысль, приведемъ еще нѣсколько выдержекъ изъ журнальныхъ статей.

Животисное Обзорніе *) посвятило Пушкину довольно обширную некрологическую статью. Оно отмѣчаетъ «неслыханный успѣхъ» Пушкина. «Имя Пушкина загремѣло и въ великолѣпныхъ палатахъ, и въ скромныхъ домикахъ уѣздныхъ городовъ, и въ глуши отдаленныхъ деревень».

«Вдругъ роковая вѣсть поразила всю Россію: *Пушкинъ умеръ!* Сначала не хотѣли вѣрить этому и даже не вѣрили, читая въ газетахъ официальное извѣстіе о смерти его... Такъ любила Россія своего поэта, такъ сжилась она съ нимъ... Пушкинъ былъ великій поэтъ, бессмертный своими заслугами русской словесности. Онъ много лѣтъ оставался нашимъ *народнымъ* поэтомъ, потому что въ поэзіи народъ — не большинство *всѣхъ*, а та часть *избранныхъ*, для которыхъ существуетъ поэзія. Пушкинъ былъ поэтъ не простонародья, у котораго могутъ быть свои любимцы, но поэтъ образованной части общества. Ни одно чувство, ни одна мысль современная не была чужда ему, и онъ всѣ выражалъ ихъ съ тою увлекательностью, которая покоряла каждого, безъ различія литературныхъ партій. Заслуга его языку неизмѣрна... Кто не зналъ Пушкина лично, для тѣхъ скажемъ, что отличительнымъ характеромъ его въ большомъ обществѣ была задумчивость или какая-то тихая грусть, которую даже трудно выразить. Онъ казался при этомъ стѣсненнымъ, попавшимъ не на свое мѣсто.

*) Томъ III, 1837, листъ 10, стр. 78, 80.

Зато въ искреннемъ небольшомъ кругу, съ людьми по сердцу, не было чловѣка разговорчивѣе, любезнѣе, остроумнѣе. Тутъ онъ любилъ и по-смѣяться, и похохотать, глядѣлъ на жизнь только съ веселой стороны и съ необыкновенною ловкостью умѣлъ открывать смѣшное. Одушевленный разговоръ его былъ краснорѣчивою импровизаціей, потому что онъ обыкновенно увлекалъ всѣхъ, овладѣвая разговоромъ, и это всегда кончалось тѣмъ, что другіе смолкали невольно, а говорилъ онъ. Еслибы записанъ былъ хоть одинъ такой разговоръ Пушкина, похожій на разсужденіе,—передъ нимъ показались бы блѣдными профессорскія рѣчи Вильмена и Гизо. Вообще, Пушкинъ обладалъ необычайными умственными способностями... Онъ страстно любилъ искусства и имѣлъ на нихъ оригинальный взглядъ. Тѣмъ особенно былъ занимателенъ и разговоръ его, что онъ обо всемъ судилъ умно, блестяще и чрезвычайно оригинально».

«Галатея» *) въ статьѣ, напечатанной въ 1840 г., но несомнѣнно написанной раньше, относитъ Пушкина къ числу тѣхъ существъ, «которые, рождаясь для заключенія извѣстнаго періода какой-либо жизни, даютъ ей опредѣленное значеніе, полноту и оконченность, и потому представляютъ собою какъ бы яркія исключенія изъ круга обыкновенной дѣятельности природы».

«Потому они не находятъ себѣ безпрерывныхъ преемниковъ, что, съ одной стороны, завѣщаютъ имъ такое огромное наслѣдство дѣйствованія, которое должно напередъ совершаться и перерабатываться въ горнилѣ общаго труда при обыкновенныхъ условіяхъ и съ постепеннымъ ходомъ времени; съ другой, отбрасываютъ отъ себя (такой) яркій отблескъ вліянія на современность, что онъ не прежде можетъ угасать, какъ только съ кончиною однихъ и рожденіемъ другихъ поколѣній».

«Какъ, съ умомъ обыкновеннымъ, проникнуть и измѣрить всю глубину такого генія, каковъ геній Пушкина, и начертать его поэтически вѣрную характеристику,—это предоставляется будущности. Совершенство такого дѣла лежитъ на времени, своимъ отдаленіемъ показывающемъ предметы въ не-обманчивомъ свѣтѣ, и грядущимъ потомкамъ, вооруженнымъ на то потребною силой. Намъ современникамъ, пораженнымъ смертію поэта и столь близкимъ отъ него, остается только съ любовію и благодарностію (впрочемъ, не безотчетною) пользоваться наслѣдіемъ, полученнымъ въ даръ отъ поэта».

«Радостію и надеждами привѣтствовала Россія явленіе отрока-поэта, какъ бы ниспосланнаго на замѣну старца-великана (Державина), который уже безстрашнымъ окомъ взиралъ на западъ жизни. Предсказаніе пѣвца Фелицы не обмануло ожиданій Руси. Первые опыты еще незрѣлаго, но уже много обѣщавшаго въ себѣ творчества, обратили на себя всеобщее вниманіе. И когда мы, пораженные неслыханными звуками, упоенные родною гармоніей, предавались сомнительнымъ надеждамъ,—юный атлетъ все росъ

*) 1840, X, стр. 182—185.

талантомъ между нами. Быстро и независимо всходилъ онъ на завидную чреду свою, какъ бы потому, что столь же быстро и неожиданно ему суждено было оставить ее».

«Изъ соображенія всѣхъ этихъ данныхъ: ранняго вызова дарованія къ творчеству, удивительнаго разнообразія твореній и ихъ самовластительнаго вліянія на души и сердца людей, кажется, можно вывести заключеніе о томъ, что *Пушкинъ былъ гениемъ-выразителемъ чувствъ и думъ русскаго народа*».

«Онъ болѣе всѣхъ любилъ народность, содѣйствовалъ ей, и самъ, въ полномъ смыслѣ, былъ *народнымъ поэтомъ*».

«Пробѣгите произведенія нашей литературы послѣднихъ 12 лѣтъ, и вы удивитесь ея невѣроятнымъ успѣхамъ, которыми обязана она могучему представителю слова русскаго—Пушкину»...

Съ высокимъ гражданскимъ мужествомъ, пренебрегши местию очень опасныхъ враговъ, А. А. Краевскій помянулъ только что умершаго поэта трогательнымъ словомъ: «Солнце нашей поэзіи закатилось! Пушкинъ скончался, скончался во цвѣтѣ лѣтъ, въ срединѣ своего великаго поприща!... Болѣе говорить о немъ не имѣемъ силы, да и не нужно: всякое русское сердце узнаетъ всю цѣну этой невозвратной потери, и всякое русское сердце будетъ растерзано. Пушкинъ, нашъ поэтъ, наша радость, наша народная слава!... Неужели въ самомъ дѣлѣ уже нѣтъ у насъ Пушкина?... Къ этой мысли нельзя привыкнуть!...»

Солнце закатилось... но лучи его и до сихъ поръ несутъ свѣтъ и тепло въ «страшную потрясающую тѣну мелочей, опутавшихъ нашу жизнь», на нашу «земную, подчасъ горькую и скучную дорогу». Раньше они освѣщали верхи горъ,—дай Богъ, чтобъ они добрались теперь и до общественныхъ низинъ...

Вл. Каллашъ.

*) Литер. прибавл. къ *Рус. Вѣст.* 1837 г., № 5, стр. 48.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

КНИГА VII.

МОСКВА.

—
1899.